

УДК 94(47).083(091)+271.2(47)–9

ПРАВОСЛАВНЫЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ (1914–1917 ГГ.)

Т. Г. Леонтьева

Тверской государственной университет», кафедра отечественной истории,
Тверь, Россия

В статье рассматриваются трансформации религиозных настроений и поведения православного населения в условиях военного времени. Исследование проводилось на основе анализа периодической печати, делопроизводственной документации, источников личного происхождения из центральных и местных архивов. Предпочтение отдавалось нарративам, отражающим религиозные представления и практики православных. Материалы обрабатывались на основе традиционных методов в сочетании с элементами новой политической истории, новой культурной истории, исторической антропологии. Вывод: православные Российской империи выполняли свой долг, но «титულიной» церкви пришлось разделить ответственность за политические просчёты монархии. Война углубила кризис российского православия. Таким образом, духовные основания церкви начали расшатываться задолго до революций 1917 г.

Ключевые слова: *Первая мировая война, конфессии, православная церковь, православное духовенство, религиозные настроения, революция 1917 г.*

Обзор историографии (в том числе и «юбилейной») показывает, что комплекс проблем, связанных с верой и религиозностью в годы Первой мировой войны, находится лишь в стадии первичной постановки¹. Однако совершенно очевидно, что так называемый религиозный фактор для всех стран-участниц этого кровавого конфликта являлся не менее важным, чем уровень боевой готовности армий. Между тем «ресурс лояльности» российских солдат и офицеров, крестьян и горожан, раненых и беженцев по отношению к власти, как известно, быстро иссяк, и в этой связи остаётся вопрос: каков «удельный вес» *духовного* в экстремальных условиях?

¹ См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014. С. 469–483, 494–499, 793–800; *Исхаков С. М.* Мировая война и мусульманская общественность в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 4. С. 23–37.

Rossija v gody Pervoj mirovoj vojny: jekonomicheskoe polozhenie, social'nye processy, politicheskij krizis, отв. red. Ju. A. Petrov, M., 2014, S. 469–483, 494–499, 793–800; *Ishakov S. M., Mirovaja vojna i musul'manskaja obshhestvennost' v Rossii, Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, Serija: Istorija, 2014, № 4, S. 23–37.*

Понятно, что в официально православной империи от представителей духовенства как никогда ожидали корпоративной сплоченности, единения с паствой, взаимопонимания со светской властью и выполнения задач, сомнительных с точки зрения христианской нравственности: обоснования необходимости и даже «полезности» войны, разоблачения враждебных замыслов государств-противников. Последнее должно было поспособствовать сакрализации «своей» монархии, а также духовно мобилизовать огромную поликонфессиональную империю на служение верой и правдой царю и Отечеству. Другими словами, требовалось наскоро формировать особую надконфессиональную идентичность воюющих, объединенных единой волей к победе.

Насколько эффективной оказалась в этом отношении Русская православная церковь (далее – РПЦ)? Удалось ли духовенству вдохновить массы простых людей на победу? Исход войны для России не дает однозначный ответ на этот вопрос. На деле положение было сложнее, причем в современной исследовательской литературе эта сторона истории православной церкви все еще обходится стороной. Более того, публикации иных исследователей побуждают расширить круг «трудных» вопросов: каков «вклад» РПЦ в поражение России в войне; почему православие («официальная» вера подавляющего большинства населения) и ее проповедники, традиционно выполнявшие социально-интегрирующие функции, не смогли вдохновить русскую армию и тыл на победу; почему значительная часть православных поддержала революции 1917 г.; какова степень «вины» РПЦ за безверие, захлестнувшее народ, нареченный экзальтированными писателями и публицистами XIX в. «богоносцем»?

Чтобы прояснить, их *принципиально* важно отчетливо представлять *предысторию* событий 1914–1917 гг. и исторический контекст, наметить новые подходы для исследований и провести их на региональных материалах, чтобы в итоге получилось более или менее внятное объяснение событий.

Прежде всего следует учитывать параметры конфессионального пространства Российской империи к 1914 г., степень единства «клира (в том числе и военного) и мира» в понимании задач военного времени, духовного единения фронта и тыла. Именно об этом пойдет речь в данной статье.

Конфессиональное пространство Российской империи всегда отличалось пестротой, но под воздействием высочайшего «Указа об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.) начинается своего рода «неправославный Ренессанс»: разрастается контингент неправославных конфессий, размножаются секты, возрождаются скопческие общины. По данным журнала «Миссионерское обозрение», только за 1912 г. от православия отпало 11 629 чел., 4 249 из них присоединились к старообрядцам, 4 195 – подались к сектантам². Несмотря на активизацию православных церковных братств, противостоять оттоку разуверившихся в православии было

² Миссионерское обозрение. 1914. № 1. С. 155–156.
Missionerskoe obozrenie, 1914, № 1, S. 155–156.

сложно: в разы увеличилась численность евангельских христиан, староверов-ваисовцев (мусульманская секта), возрождалось скопчество³.

Особую важность для характеристики православного пространства довоенной России представляет состояние приграничных епархий. Согласно отчётам обер-прокуроров Св. Синода – это благополучные области, возможно, тем самым мотивировались и оправдывались приоритеты финансирования данных территорий. Источники личного происхождения дают несколько иную картину. Специфика церковной жизни на окраинах отличалась трениями между католиками, униатами и православными, а в преддверии войны обострился «еврейский вопрос», проявившийся в антисемитских настроениях⁴. Среди прочего она осложнялась тем, что на «христианском пространстве» России сохранялись многочисленные анклавные верующих-сектантов (духоборов, меннонитов, баптистов, евангельских христиан и т. д.), мировоззрению которых чужда была сама идея войны, и они не могли адекватно ответить на притязания власти (уклонялись от мобилизации, дезертировали, если оказывались на фронте).

Словом, «братское единение и христианское смирение», которое декларировалось официальной церковью, оставалось на самом деле лишь уловкой мирного времени.

Православный клир и мир. К 1914 г. в России насчитывалось 177 тыс. представителей православного духовенства. Они выполняли важнейшие для империи проповедническо-идеологические функции, формировали массовое сознание в соответствии с православными канонами и политическими императивами, что оборачивалось отождествлением в массовом сознании двух «господствующих» институтов: церкви и государства.

Социальный статус православного духовенства оставался невысоким. Бедность основной массы низового духовенства, аграрные споры, перерастающие с начала XX в. в затяжные конфликты, внутриверительные противоречия и скандалы дальше больше разделяли пастырей и паству. Социально-карикативная деятельность, общественная активность и высокие моральные качества отдельных представителей сословия, которые покорно и достойно несли бремя сана, не меняли общей картины. Даже архиереи обладали разным ресурсом харизматичности.

Состояние православного мира характеризует типичное для того времени высказывание одного из депутатов Государственной думы, который в 1914 г. с высокой трибуны провозгласил, что из 100 млн православ-

³ Усманова Д. Мусульманское «сектанство» в Российской империи. Казань, 2009. С. 116–123; Энгельштейн Л. Скопцы и царство небесное. М., 2002. С. 226–229; История евангельских христиан-баптистов в России. М., 2007. С. 86.

Usmanova D., *Musul'manskoe «sektanstvo» v Rossijskoj imperii*, Kazan', 2009. S. 116–123; Jengel'shtejn L., *Skopcy i carstvo nebesnoe*, M., 2002, S. 226–229; Istorija evangel'skih hristian-baptistov v Rossii, M., 2007, S. 86.

⁴ Амвросия (Оберучева), мон. История одной старушки. М., 2008. С. 195, 201, 210–211; Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 554.

Amvrosija (Oberucheveva), mon., *Istorija odnoj starushki*, M., 2008, S. 195, 201, 210–211; Ol'denburg S. S., *Carstvovanie imperatora Nikolaja II*, SPb., 1991, S. 554.

ных 90 – еретики или отпавшие от веры и церкви⁵. «Обрядово-культурный» характер православия признал и обер-прокурор Синода⁶.

Ситуация усугублялась разномыслием внутри «господствующей и первенствующей церкви», что отражалось на решениях ее исполнительного органа – Синода, находившего в то время в эпицентре скандалов, связанных с одиозным старцем Григорием Распутиным.

Военное духовенство. В ходе русско-японской войны беспомощность полковых батюшек была так очевидна, что одни заговорили о бесполезности этого института, другие – о необходимости внутриведомственных реформ. Их начинает назначенный 22 апреля 1911 г. на должность протопресвитера военного и морского духовенства Георгий Шавельский, известный в церковных кругах как опытный полковой священник.

Он полагал, что роль духовенства как «исконного утешителя» воюющих не соответствует современной войне – нужен деятельный функционер, о чем заявил ещё в 1912 г. в небольшой книге «Служение священника на войне»⁷. Следует отметить, что в среде приходских служителей «собратья» из военного духовенства считались «белой костью», однако их престиж также невысок: они не были приняты *своими* ни офицерским, ни солдатским сообществом⁸, в армии процветало маловерие, а самим священникам не чужды были иные «солдатские» пороки. Шавельский признавал, что военные священники в экстремальных условиях ведут себя порой «неразумно и дико» и намеревался всерьез заняться их перевоспитанием⁹.

Он не был оригинален и действовал во всё ещё модной стилистике эпохи Просвещения, надеялся на силу знания и распорядился специально готовить для работы на поле брани: множились военно-церковные библиотеки; проводились братские собрания военного и морского духовенства не только в крупных городах, но и дальних гарнизонах; продолжалось издание журнала «Вестник военного и морского духовенства»; обновил кадровый состав ведомства, публично обсуждались проблемы пастырского служения в армии.

К началу «великой войны» (как именовал её о. Георгий) удалось провести ревизии практически во всех военных церквях и воинских частях империи и даже побывать в плавании на корабле Балтийского флота.

⁵ Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. С. 270. Rozhkov V., prot., *Cerkovnye voprosy v Gosudarstvennoj dume*, М., 2004, S. 270.

⁶ Подробнее: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913.

Vsepoddannejšij otchet ober-prokurora Svjatejšhego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedanija za 1911–1912 gg., SPb., 1913.

⁷ См.: Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 17.

Vestnik voennogo i morskogo duhovenstva, 1914, № 17.

⁸ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 320.

Veniamin (Fedchenkov), mitr., *Na rubezhe dvuh jepoh*, М., 2004, S. 320.

⁹ Шавельский Г., протопр. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 1. С. 79.

Shavel'skij G., protopr., *Vospominanija poslednego protopresvitera russkoj armii i flota*, М., 1996, Т. 1, S. 79.

1–11 июля 1914 г. в Санкт-Петербурге он созвал съезд военного и морского духовенства. Его участники – 49 священников-делегатов от всех 12 военных округов России, включая морское (соборное) духовенство и судовых священников, – обсуждали основной вопрос – задачи пастырей во время войны. Отныне для «возвышения духа» воинов им в обязанности вменялось не только исполнение профессиональных функций (литургии, молебны, требы, проповеди); распространение духовной литературы, устройство походных библиотек; борьба с сектантами, миссионерство; антиалкогольная деятельность (организации обществ трезвости), но и наблюдение за политическими настроениями «окопников»; уход за ранеными на поле боя, организация выноса с поля боя убитых и раненых, извещение родных о смерти воинов; создание в своих частях обществ помощи семьям убитых и увечных воинов; забота о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ¹⁰. Для священнослужителей армии и флота вводились знаки отличия: особой формы рясы (защитного цвета) и юбилейный знак. Гражданскому духовенству предписывалось для поддержания верноподданнических чувств вести патриотическую пропаганду среди отпускиков и «запасников», а также антиалкогольную проповедь среди потенциальных воинов.

Ещё до начала войны проработали вопрос о «Мерах против потребления спиртных напитков в армии». Духовному правлению при протопресвитере поручили разработать правила организации обществ трезвости, а полковым священникам – основательно подготовиться к антиалкогольной пропаганде среди новобранцев. Организаторы наивно полагали, что обет, данный перед иконой 29 августа (день, обозначенный как Праздник трезвости), распространение антиалкогольной литературы и иконок поможет решить «пьяный вопрос». Приказом № 309 «О мерах против потребления спиртных напитков в армии» предусматривалась жёсткая система мер дисциплинарно-административного характера в отношении офицеров, военных врачей и священников, отклоняющихся от трезвого образа жизни¹¹.

Новые начинания иронично встретили в обществе. Но, как оказалось, решения съезда пришлись очень кстати – не успели делегаты разъехаться по домам, как объявили мобилизацию. Такой была расстановка сил на церковно-духовном «фронте».

С началом войны объявили мобилизацию представителей духовенства. Формировался контингент армейских духовных наставников с привлечением служителей культа тех епархий, где квартировали воинские части. Шавельский отправился на фронт для первой инспекции, где обнаружил изъяны «церковной мобилизации»: епархиальные архиереи избавля-

¹⁰ См. подробнее: Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 17; Приказы по военному ведомству. СПб., 1914.

Vestnik voennogo i morskogo duhovenstva, 1914, № 17; Prikazy po voennomu vedomstvu, SPb., 1914.

¹¹ Приказ № 309 «О мерах против потребления спиртных напитков в армии» [Электронный ресурс]. URL: <http://orenkazak.ru/altepapiere-ustavtrezv.html>

Prikaz № 309 «O merah protiv potreblenija spirtnyh napitkov v armii» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://orenkazak.ru/altepapiere-ustavtrezv.html>

лись от неугодных подчиненных и на передовую отправлялись престарелые, скандальные, а порой и запрещенные в служении священники, и дьяконы. Приходилось выдвигать таких «новобранцев», разъясняя, что «действующая армия не приют для престарелых и не духовный дисциплинарный батальон». Следует признать, что священники не рвались на фронт. По данным Шавельского, призвали 730 священников, 150 дьяконов и псаломщиков, а в разгар войны – до 5 тысяч чел.¹² Основная роль в деле «духовной мобилизации» военного и гражданского населения империи отводилась православной церкви, но в некоторых военных подразделениях были введены должности для римско-католических капелланов, евангелическо-лютеранских проповедников, мулл, армяно-григорианских священников, ламаистского духовенства и раввинов и впервые в армейской практике – должности старообрядческих священнослужителей. В среднем на одного священника приходилось более 2 500 чел., а к 1917 г. – 3200¹³.

Кадрами духовных наставников оставались недоукомплектованы лазареты и госпитали, запасные дивизионы и вновь формирующиеся полки. Между тем новая и очень страшная война (с аэропланами, дирижаблями, отравляющими газами, новой техникой ведения боя) требовала также особой психологической адаптации: преодоление страха было необходимо не только для солдат, но и для самих священников. Было ли готово военное духовенство к подвигу и подвижничеству, как ожидалось от него властью военной и церковной?

С началом войны армейскому духовенству всех вероисповеданий предстояло воздействовать на солдат в религиозно-патриотическом духе, возбуждать правильное настроение (стереть остроту разрыва с семьей, примирить с судьбой, отвлечь от тяжелых мыслей, преодолеть страх), поддерживать воинский энтузиазм. Православная ритуалистика должна была обрести особую патриотическую направленность: требовалось сформировать особую надконфессиональную идентичность воюющих, объединенных единой волей к победе. Понимая, что пули крестом не остановить, священники пытались наскоро сформировать «религиозное отношение к войне»: смотреть на нее как на «попущение Божие, необходимое для благих конечных целей Промысла», не жалеть своей жизни, «избавиться от ненависти к врагам»¹⁴.

¹² Шавельский Г., *протопр.* Русская церковь перед революцией. М., 2005. С. 14; Сенин А. С. Армейское духовенство России в Первую мировую войну // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 161; Карков К. Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008. С. 38.

Shavel'skij G. *protoпр.*, *Russkaja cerkov' pered revoljuciej*, М., 2005, S. 14; Senin A. S., *Armejskoe duhovenstvo Rossii v Pervuju mirovuju vojnu*, *Voprosy istorii*, 1990, № 10, S. 161; Карков К. Г., *Pamjatnaja kniga Rossijskogo voennogo i morskogo duhovenstva XIX – nachala XX vekov. Spravochnye materialy*, М., 2008, S. 38.

¹³ Карков К. Г. Указ. соч. С. 39–40, 46–47.

Карков К. Г., *Op. cit.*, S. 39–40, 46–47.

¹⁴ Церковный вестник. 1914. № 39. Стб. 1165.

Cerkovnyj vestnik, 1914, № 39, Stb. 1165.

Но хотя священники и солдаты были рядом на протяжении всей войны, существенно влиять на формирование боевого духа в действующей армии они не могли. Потребность в ритуале, особенно в начале войны, была велика, но ритуалистикой, как известно, не измеряется религиозность и вера. Документы свидетельствуют о повседневном мужестве и настоящих подвигах духовенства на поле брани, в госпиталях и дивизионных лазаретах, но они недолго определяли настроения в армии¹⁵.

Очень скоро благостные настроения сошли на нет. Отраженные в различных документах (письмах с фронта, отчетах армейского духовенства) перемены в религиозных переживаниях солдат свидетельствуют, что упование на Бога, силу молитвы и охранительную мощь креста сопровождало их только на начальном этапе войны¹⁶. Неудачи на фронте, голод, вши, плохое обмундирование и, как следствие, инфекционные болезни, слухи об измене царя и царицы, похождения Распутина резко изменили уровень «окопной религиозности». Со слов очевидцев и участников событий на фронте все чаще обнаруживались антицерковные настроения среди солдат и матросов, религиозная благость вытеснялась циничным взглядом на веру, а «потеря души» оборачивалась пьянством, депрессией и откровенным богохульством. Известны случаи, когда солдаты сжигали кресты на братских могилах¹⁷.

Показная набожность не сдерживала больше отступников от присяги. Все чаще обнаруживались факты дезертирства: солдаты бежали со всех фронтов, терроризировали население прифронтовых регионов, устраивали самосуд над офицерами, доводя иных до самоубийства. Как не заботились полковые батюшки о бодрости духа русского воинства, по словам военного министра Поливанова, уже в 1915 г. «вера в свои силы окончательно подорвана. Малейший слух о неприятеле, появление незначительного немецкого разьезда вызывают панику и бегство целых полков»¹⁸.

¹⁵ Амвросия (Оберучева), мон. Указ. соч. С. 174; Шавельский Г., *протопр.* Воспоминания... Т. 1. С. 86.

Amvrosija (Oberuccheva), мон., *Op. cit.*, S. 174; Shavel'skij G. *protopr.*, *Vospominanija...*, Т. 1, S. 86.

¹⁶ Локтева Н. А. Фронтовые письма как источник для изучения морального и патриотического духа солдата [Электронный ресурс]. URL: <http://august-1914.ru/lokteva.html>

Lokteva N. A., *Frontovye pis'ma kak istochnik dlja izuchenija moral'nogo i patrioticheskogo duha soldata*, [Elektronnyj resurs]. URL: <http://august-1914.ru/lokteva.html>

¹⁷ См.: Федорченко С. З. Народ на войне. Фронтовые записки. Киев, 1917; Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. М.; Л., 1928. С. 135; Асташов А. Б. Русские солдаты и Первая мировая война: Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 412.

Fedorchenko S. Z., *Narod na vojne. Frontovye zapiski*, Kiev, 1917; Vojtolovskij L., *По следам войны. Походные записки*, М.; Л., 1928, S. 135; Astashov A. B., *Russkie soldaty i Pervaja mirovaja vojna: Psihoistoricheskoe issledovanie voennogo opyta*, Social'naja istorija, *Ezhegodnik*, 2001/2002, М., 2004, S. 412.

¹⁸ Цит. по: Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 191.

Религиозно-протестные настроения фронтовиков заметно эволюционировали: от массовых уклонений от церковной ритуальности до отрицания Бога и недоброжелательного отношения к священникам. Образ батюшки-героя, крестом поднимающего рать на подвиг, сменяется тривиальным образом попа, к «традиционным» порокам которого прибавляются новые черты. В годы Первой мировой войны в солдатском фольклоре появляется фигура попа-волокиты за сестрами милосердия¹⁹.

Означает ли это, что «духовное воинство» – армейские священники – внесло «посильный вклад» в поражение Российской империи в мировой войне? Представляется, стоит согласиться с общей оценкой деятельности армейского духовенства о. Георгия (Шавельского). В его изображении армейские батюшки (штабные, дивизионные, госпитальные, гарнизонные), по преимуществу усердные, мужественные, стойкие, лишь единицами – равнодушные и безответственные, достойно выполнили свой долг перед Отечеством.

Между тем в исторической памяти доминируют безапелляционные нарративы, отражающие позиции тех, кто, строго говоря, отвечал за исход войны. «Духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск... вера не стала началом, возбуждающим на подвиг или сдерживающим от развития... звериных инстинктов», – констатировал А. И. Деникин²⁰. В подобной оценке налицо, с одной стороны, гипербализация ответственности «титальной» церкви и ее духовенства за политические просчеты монархии, с другой – нивелирование подвига «скромных героев в рясе». Совершенно очевидно, что «победа зависит не от количества штыков и снарядов», но и настроений (в том числе религиозных) в тылу.

«За Веру, Царя и Отечество»: служение в тылу. Моральные приоритеты клиров всех конфессий Российской империи заключались в руководственном принципе: «в горькую чашу народной скорби нужно влить бальзам утешения». Православные приходские батюшки и епархиальные архиереи, равнины и муллы, пасторы и ксендзы на протяжении всей войны лично благословляли уходящих на фронт, произносили вдохновенные проповеди, объезжали госпитали или пристанища беженцев, поминали погибших, неустанно увещевали тыловое население. Но сказывалось ли это на религиозных настроениях подданных империи, способствовало ли «правильному» пониманию своей роли в экстремальных условиях военного времени россиянами, представляющими различные этносы и конфессии?

Ferro M., *Nikolaj II*, М., 1991, S. 191.

¹⁹ Колоницкий Б. Н. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 336–337.

Kolonickij B. N., «*Tragicheskaia jerotika*»: *obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny*, М., 2010, S. 336–337.

²⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. М., 1991. С. 79–80.

Denikin A. I., *Oчерki russkoj smuty. Krushenie vlasti i armii. Fevral'-sentjabr' 1917*, М., 1991, S. 79–80.

Как «прочитывались» ими вызовы властей и какую функцию выполняли базовые конфессиональные установки?

Данные вопросы не нашли пока четкого ответа исследователей. Это не удивительно, факты, характеризующие тыловую религиозную повседневность, слишком противоречивы. К тому же в общей картине явно доминируют православные сюжеты, что легко объясняется количественным преобладанием православных в конфессиональном пространстве России и соответственно их большей вовлеченностью в ход событий.

В годы Первой мировой войны православное духовенство увидело исключительную возможность консолидировать паству и тем самым укрепить свои позиции. Как на первых порах отмечали сами служители культа, «народ духовно воскрес»: повсеместно отмечалось стечение народа в храмы, участились обращения к исповеди и покаянию, проводились массовые венчания перед отправкой на фронт, из деревенской повседневности исчезли ссоры, кражи, на начальном этапе войны несколько сократилась численность нищих и бродяг. «Частичные проявления безверия, распущенности и хулиганства... гасли в общем массовом благочестии», большую роль, со слов батюшек, сыграло временное прекращение казенной торговли вином²¹. Полицейские сводки в некоторых губерниях представляли довольно трогательную картину осознания народом необходимости «войны на благо Родины»²².

Справляться со страхом неизвестности помогало «деятельное» отношение к войне: участие в госпитальном движении. Раненые становятся центральной фигурой общественной жизни не только из сострадания, но и вследствие крайнего беспорядка в организации их лечения как на фронте, так и в тылу. Поспешно организуются несколько показательных акций: 11 августа 1914 г. учреждается «Верховный совет по призрению семей мобилизованных, раненых и павших воинов», «Комитет по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий» под патронатом особ императорского дома и «августейшей сестры милосердия» – императрицы, открывается эвакуационный пункт в Царском Селе. Все это подсказывало общественности неспособность правительства самостоятельно разрешить проблемы опеки первых жертв военных действий. Русская православная церковь мгновенно «прочитала» это «послание», и со страниц церковной прессы раздались призывы к милосердию и помощи пострадавшим, к делу призрения раненых, беженцев, членов семей мобилизованных присоединились практически все епархии²³. В Твери на августовском съезде монастырей было решено открыть лазарет при архиерейском загородном доме и выделить на его содержание 40 000 руб. из монастырских капиталов. Под

²¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 34378. Л. 32.

State Archive of Tver Region (GATO), F. 56, Op. 1, D. 34378, L. 32.

²² ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1892. Л. 1–1 об.

GATO, F. 927, Op. 1, D. 1892, L. 1–1 ob.

²³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2787. Л. 10 об.

Russian State Historical Archive (RGIA), F. 796, Op. 442, D. 2787, L. 10 ob.

помещения лазаретов отвели здания Тверской духовной семинарии (на 500 кроватей), двух духовных училищ – в Торжке и Красном Холме, а также помещения нескольких монастырей²⁴. Студенты Петроградской духовной академии на собственные средства организовали лазарет на десять коек²⁵. Московские монастыри постановили ежемесячно отпускать 12 000 руб. на содержание раненых, а в Троице-Сергиевой лавре устроили лазарет на 200 кроватей²⁶. Уже в августе лазареты, открытые на епархиальные средства, появились в Перми, Томске, Барнауле, Пензе²⁷. Силами православного духовенства собрано на нужды фронта миллионы рублей.

Одним словом, христианское сообщество (в первую очередь православные) консолидировалось перед лицом всеобщей опасности. Не случайно в визуальном пропагандистском проекте власти использовалась православная символика: на плакатах, открытках, фотографиях раненый солдат, как правило, помещался на фоне церкви.

Однако общая картина оставалась неприглядной: в госпиталях уже осенью 1914 г. свирепствовали сыпной тиф, дизентерия, холера. Численность умирающих от ран и болезней стремительно нарастала. Недостаток должного ухода за ранеными возбудил в прессе вопрос о восстановлении древнего института диаконов, которые могли бы стать квалифицированными наставниками неопытных сестёр милосердия. Церковное руководство готово было рассмотреть и этот вопрос.

Но развитие событий, как в тылу, так и на фронте очень скоро стали определять совсем другие факторы. Контрпропаганда большевиков оказалась сильнее церковной проповеди. 1915–1916 гг. характеризуются упадком веры и нарастанием антиклерикальных настроений. Настоятели приходов отмечают снижение уровня даже внешнего благочестия. По данным Л. И. Емелях, подобные настроения отмечались в сообщениях епископов Вятской, Московской, Нижегородской, Вологодской, Рижской и Харьковской епархий²⁸. Даже женщины отворачивались от церкви: непопулярная война в массовом сознании всё больше ассоциировалась с продажным пра-

²⁴ ГАТО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 17. Л. 22–22 об.; Церковный вестник. 1914. № 43. Стб. 1301. ГАТО, Ф. 128, Оп. 1, Д. 17, Л. 22–22 об.; *Cerkovnyj vestnik*, 1914, № 43, Stb. 1301.

²⁵ Церковный вестник. 1914. № 44. Стб. 1337.

Cerkovnyj vestnik, 1914, № 44, Stb. 1337.

²⁶ Там же. 1914. № 41. Стб. 1238. Московские церковные ведомости. 1917. № 3–4. С. 55.

Ibid, 1914, № 41, Stb. 1238; *Moskovskie cerkovnye vedomosti.*, 1917, № 3–4, S. 55.

²⁷ См.: Пензенские епархиальные ведомости. 1914. № 23. С. 981; Пермские епархиальные ведомости. 1915. Сентябрь.

Penzenskie eparhial'nye vedomosti, 1914, № 23, S. 981; *Permskie eparhial'nye vedomosti*, 1915, Sentjabr'.

²⁸ См.: Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 180.

Emeljah L. I., Krest'jane i cerkov' nakanune Oktjabrja, L., 1976, S. 180.

вительством, бездарным командованием и беспринципным духовенством, призывающим сражаться за царя и Отечество²⁹.

В 1916 г. священники начинают отмечать, что их прихожан «смущают» не только отходники и партийные пропагандисты, но и фронтовики. Потерявшие страх Божий ратники, временно пребывавшие на тыловых территориях, бесстыдно воровали, позволяли «себе безобразные выходки, брань, угрозы и даже насилие»³⁰. Духовенство не обладало необходимым ресурсом для противостояния этой тенденции. «Горе той стране, в которой разнузданность толпы начинают смешивать с проявлением патриотизма, а мстительность и мелочное самолюбие отождествляют с национальной гордостью! Теперь в России вступили на этот гибельный путь», – пророчествовал в этом году один из современников событий³¹.

Вызывала беспокойство церковного сообщества устойчивая тенденция «размывания» сословия: воспитанники духовных школ покидали учебу, обнаружился кадровый дефицит. В 1916 г. Синод разрешил допускать женщин к исполнению обязанностей псаломщиков. Иные священники звали уже не к патриотическим чувствам и христианской любви, а к здравому смыслу, всё чаще звучали мрачные пророчества. Пермский владыка Андроник в середине 1916 г. с горечью предрекал: «... сама Церковь от нас – русских – может уйти... и даже весьма скоро»³².

В итоге, приняв на себя вместе с властью бремя войны, РПЦ разделала печальную судьбу монархии. По данным протопресвитера Шавельского, в военной кампании 1914–1918 гг. армейское духовенство понесло беспрецедентные потери: около 40 погибло, около 400 ранены или контужены, более 200 оказались в плену. Погибали священники не только на поле боя, но и на оккупированных территориях. Подвиги армейского духовенства отмечены высокими наградами, они получили 227 золотых наперстных крестов на георгиевской ленте, 14 орденов Святого великомученика Георгия, 85 орденов св. Владимира 3 степени с мечами, 203 ордена св.

²⁹ Напр.: Записки сестры милосердия Анны Ждановой / сост. В. В. Глафинова и др. Тверь, 2014. С. 120.

Записки сестры милосердия Anny Zhdanovoj, sost. V. V. Glafirova i dr., Tver', 2014, S. 120.

³⁰ Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: сборник документов / сост. Г. В. Баруткина и др.; науч. ред., предисловие и комм. В. П. Булдаков. Тверь, 2010. С. 400.

Tverskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg., sbornik dokumentov, sost. G. V. Barutkina i dr., nauch. red., predislovie i komm. V. P. Buldakov, Tver', 2010, S. 400.

³¹ Дневник П. Ф. Булацеля (Из публикации в журнале «Российский гражданин») // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. М., 2014. Т. 2. С. 274.

Dnevnik P. F., *Bulacelja (Iz publikacii v zhurnale «Rossijskij grazhdanin»)*, Pervaja mirovaja vojna v ocenke sovremennikov: vlast' i rossijskoe obshhestvo, 1914–1918, M., 2014, T. 2, S. 274.

³² Святomученик Андроник, Архиепископ Пермский и Кунгурский [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodion.perm.ru/articles.php?lng...>

Svjatomuchenik Andronik, Arhiepiskop Permskij i Kungurskij [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.rodion.perm.ru/articles.php?lng...>

Владимира 4 степени с мечами, 304 ордена св. Анны 2 степени с мечами, 239 орденов св. Анны 3 степени с мечами. Протопресвитер получил ордена Александра Невского и св. Владимира 2 степени³³. Но духовные чада, вместе с кем они стояли под пулями, вдруг увидели в них своих врагов.

Неприятие войны в тылу вызывало «всеобщее ожесточение», которое в совокупности с понижением «градуса религиозности» обернулось разложением семьи, принимавшим лавинообразный характер³⁴, стремительно нарастала политизация настроений молодежи, особенно студенческой в крупных городах³⁵. Тыловое духовенство также не обладало необходимым ресурсом для противостояния этим тенденциям.

Словом, участие России в Первой мировой войне подтвердило справедливость старой истины: серьёзные потрясения либо сплачивают общество, нейтрализуя в нём деструктивные тенденции через веру, либо, напротив, ускоряют его развал. Как известно, в 1914–1917 гг. возобладали вторая из них, и православная вера в силу обозначенных факторов не стала щитом для империи, уже несколько веков гордо носившей «титул» третьего Рима. Государственная идеология, опиравшаяся на духовные ценности различных конфессий, не смогла в полной мере вдохновить фронт и тыл на победу. Сказывалось и сохранившееся с довоенных времен разномыслие – в православной среде за формальным благочестием таилось и двоеверие, и отголоски язычества. Непродуманная конфессиональная политика (напр., солдаты-мусульмане, не понимавшие официальных целей войны, воспринимали ее «как могилу, как приключившееся с ними несчастье, которого невозможно было избежать»³⁶), социальная и политическая напряжённость, кризис власти стремительно вытесняли веру не только в победу, но и в Бога. Так трагическая совокупность событий привела в 1917 г. монархию и церковь к революции.

Церковь и революция. «Борьба против религии – борьба за социализм» – этот ленинский лозунг стал основной составляющей политики советской власти в отношении всех конфессий полиэтничной России. Согласно законодательству молодой советской республики, к его воплощению в

³³ Шавельский Г., *протопр.* Воспоминания последнего протопресвитера... Т. 1. С. 186. Shavel'skij G., *protopr.*, *Vospominanija poslednego protopresvitera...*, Т. 1, S. 186.

³⁴ Балашов Е. М. Дискуссия // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 354–355. Balashov E. M., *Diskussija*, *Rossija i Pervaja mirovaja vojna*, SPb., 1999, S. 354–355.

³⁵ Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 288–300.

Morissi S., *Mezhdru patriotizmom i radikalizmom: petrogradskie studenty v gody Pervoj mirovoj vojny*, *Rossija i Pervaja mirovaja vojna*, S. 288–300.

³⁶ Росс Д. Гог, Магог и аэроплан: татарская народная литература как ответ на войну (1914–1917) // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в. СПб., 2013. С. 56.

Ross D., *Gog, Magog i ajeroplan: tatarskaja narodnaja literatura kak otvet na vojnu (1914–1917)*, *Malen'kij chelovek i bol'shaja vojna v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX v.*, SPb., 2013, S. 56.

жизнь большевики приступили в начале 1918 г. после обнаружения 23 января Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Принято считать, что вслед за этим развернулась «смертельная схватка двух идеологий». Однако за очевидным конфликтом идеологий стоял конфликт мировоззрений – куда более многомерный, чем членение общества на православных, атеистов и иноверцев, по-разному воспринимающих «очередные задачи советской власти». Нельзя не замечать, что маховик репрессивной политики стал раскручиваться гораздо раньше, что на первых порах придавала ему ускорение, увы, не власть, а «рядовые» россияне, по преимуществу православные.

Контуров новой религиозной политики обозначились ещё на переходе от Февраля к Октябрю. Сразу после Февраля начались земельные скандалы крестьян со священниками. Все чаще отбирались земли не только у монастырей, но и у церковных причтов. Обилие захватов часто провоцировалось местными Советами, которые исходили из того, что вопрос о первоочередном переходе церковных и монастырских земель «в народное достояние» предрешен правительством.

Приходское духовенство не только не могло блокировать нарастающее бунтарство, обозначить нравственные ориентиры деморализованному войной народу, но и обнаружило собственную дезориентированность. В результате официальная церковь (т. е. Синод и его сторонники) на весенних епархиальных съездах проиграла так называемую *церковную революцию* (термин известного философа начала XX в. В. В. Розанова применительно к событиям 1905–1907 гг.), которую, как представляется, более уместно назвать «бунтом псаломщиков», поскольку в её основе лежало недовольство внутрицерковными порядками именно со стороны низового отряда церковнослужителей. Миряне и обиженные жизнью мелкие служащие церковного ведомства принимали решения, в соответствии с которыми смещались неугодные архиереи, а избираемые из клира и мирян епархиальные советы начали ограничивать епископскую власть³⁷. Но это – ожидаемое явление, оно являлось продолжением дискуссий начала XX в., отражало настроение значительной части общества и в принципе вписывалось в рамки церковной политики Временного правительства.

Но при этом РПЦ оказывалась первой среди равных, а её служители лишались привилегий и лидерства. Но дальше – больше. Нововведениями конца 1917–1918 гг. начинается история «советской» церкви», и она печальна: рядом декретов РПЦ лишилась всего – от статусов до имущества. 4 декабря 1917 г. СНК издал декрет «О земельных комитетах», что, по существу, означало национализацию всех церковных земель. 11(24) декабря 1917 г. – постановление Наркомпроса о передаче «дела образования и воспитания» всех церковных школ, включая семинарии и академии, в ведение Народного комиссариата просвещения, об

³⁷ Подробнее: *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года. СПб., 2008.
Rogoznyj P. G., Cerkovnaja revoljucija 1917 goda, SPb., 2008.

упразднении в учебных заведениях должностей законоучителей всех исповеданий. Декрет 18 декабря о гражданском браке вводил вместо церковных браков гражданскую регистрацию, венчание сохранялось как частная практика. В начале января 1918 г. ликвидируются ведомства придворного и военного духовенства. 23 января 1918 г. последовал Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви³⁸ – то, что Временное правительство собиралось проводить в жизнь постепенно, было осуществлено резко и безапелляционно. Церковные службы и требы разрешалось проводить только по запросам «коллективов верующих» с обязательствами содержания храмов и причтов. Церковь, как институт, «сужалась» до масштабов общины. Но опаснее было другое: новоиспеченные периферийные управленцы получали уникальную возможность проявить себя в борьбе с «религиозными пережитками». Начались аресты «церковников», включая неправославных и сектантов³⁹.

Здесь следует остановиться и вспомнить, что в это же время работали секции Поместного собора Русской православной церкви. «Соборяне» решали перезревшие вопросы внутрицерковной жизни, предвещали близкий и неизбежный «крах социализма», ожидая, что на выборах в Учредительное собрание одержит верх сообщество политиков, более лояльных к церкви⁴⁰. Результаты выборов дали парадоксальный результат: формально православная часть российских граждан выглядела наиболее «политизированным» и «секуляризированным» сегментом российского общества. За этим скрывалось отсутствие единства духовенства и мирян.

Насильственный роспуск Учредительного собрания, осуждение «соборянами» условий Брестского мира («позорный договор»), первые жертвы и узники, закрытые монастыри показали, что возможности диалога церкви и государства исчерпаны⁴¹. 8 сентября 1918 г. Поместный собор прекратил свою работу. Конституция 1918 г. лишила приходское и монашеское духовенство избирательных прав⁴².

Слабость позиций православия в России в критический момент проявила себя в том, что тогда, как его избранники принимали на Соборе

³⁸ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

Dekrety Sovetskoj vlasti, M., 1957, T. 1.

³⁹ Клементьев В. Ф. В большевицкой Москве. М., 1998. С. 380; ГАТО. Ф. Р–1998. Оп. 1. Д. 252.

Klement'ev V. F., *V bol'shevickoj Moskve*, M., 1998, S. 380; GATO, F. R–1998, Op. 1, D. 252.

⁴⁰ Подробнее: Священный Собор Православной Российской церкви. 1917–1918 гг. Обзор деяний. Вторая сессия. М., 2001.

Svjashhennyj Sobor Pravoslavnoj Rossijskoj cerkvi. 1917–1918 gg. Obzor dejanij. Vtoraja sessija, M., 2001.

⁴¹ Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 17–18. С. 573.

Cerkovnye vedomosti. Pribavlenija, 1918, № 17–18, S. 573.

⁴² См.: Декреты Советской власти. Т. 1.

Dekrety Sovetskoj vlasti, T. 1.

мудрые и возвышенные решения, выношенные со времен Великих реформ, простые служители церкви оставались один на один с народом, который руководствовался совершенно иными представлениями о справедливости. Казавшиеся незыблемыми основания православной церкви начали расшатываться задолго до Октября и помимо большевистского давления, но Св. Синод, по выражению протопресвитера Шавельского, «спал довольни»⁴³. Тем временем внутри «церковной ограды» уже формировалась духовная оппозиция, не принимавшая официальную церковь и поддержанная безбожной властью.

Список литературы

1. *Асташов А. Б.* Русские солдаты и Первая мировая война: Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 399–425.
2. *Балашов Е. М.* Дискуссия // Россия и Первая мировая война. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999.
3. *Емелях Л. И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л.: Наука. 1976.
4. *Исхаков С. М.* Мировая война и мусульманская общественность в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 4. С. 23–37.
5. *Колоницкий Б. Н.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: «Новое литературное обозрение», 2010.
6. *Локтева Н. А.* Фронтовые письма как источник для изучения морального и патриотического духа солдата [Электронный ресурс]. URL: <http://august-1914.ru/lokteva.html>
7. *Морисси С.* Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999.
8. *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года. СПб.: Изд-во «Лики России», 2008.
9. *Рожков В., прот.* Церковные вопросы в Государственной думе. М.: Изд-во Крутицкого Подворья, 2004.
10. *Росс Д.* Гог, Магог и аэроплан: татарская народная литература как ответ на войну (1914 – 1917) // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в. СПб.: «Нестор–История», 2013. С. 44–56.
11. *Сенин А. С.* Армейское духовенство России в Первую мировую войну // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 159–165.
12. *Усманова Д.* Мусульманское «сектанство» в Российской империи. Казань: «Фэн», 2009.

⁴³ *Шавельский Г., протопр.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 135–175.

Shavel'skij G., protopr., Vospominanija poslednego protopresvitera russoj armii i flota, M., 1996, T. 2, S. 135–175.

13. Ферро М. Николай II. М.: «Международные отношения», 1991.
14. Энгельштейн Л. Скопцы и царство небесное. М.: «Новое литературное обозрение», 2002.

ORTHODOXES OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE FRONT AND IN A REAR (1914–1917)

T. G. Leontieva

The Tver' State University, the Dept of Russian History, *Tver', Russia*

The article analyzed transformations of religious moods and behavior of the Orthodox population in the war-time conditions. Research based on the information from newspapers, official documentation, and sources of the personal origin from central and local archives. A preference gave up to narratives reflecting religious presentations and practices of Orthodox populations. Documents were processed by traditional methods and the experience of new political history, new cultural history, and historical anthropology.

Conclusion: Orthodox population of the Russian empire tried to executed their «civilian» debt, but official church had to share responsibility for the political miscalculations of monarchy. War deepened crisis in Russian Orthodoxy, so the spiritual foundation of church began to get shattered long before revolutions 1917.

Keywords: *World War I, religions, Orthodoxy Church, Orthodox clergy, religious moods, revolution 1917.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31б), e-mail: kroneko@mail.ru

About the author:

LEONT'IEVA Tat'yana Gennad'evna – The Doctor of History, The Professor, The Dept of Russian History, The Tver State University, (Russia, 170100, Tver', Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

References

- Astashov A. B., *Russkie soldaty i Pervaja mirovaja vojna: Psihoistoricheskoe issledovanie voennogo opyta*, Social'naja istorija. Ezhegodnik, 2001/2002, M., ROSSPJeN, 2004, S. 399–425.
- Balashov E. M., *Diskussija*, Rossija i Pervaja mirovaja vojna, SPb., Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 1999.
- Emeljah L. I., *Krest'jane i cerkov' nakanune Oktjabrja*, L., Nauka, 1976.

- Ishakov S. M., *Mirovaja vojna i musul'manskaja obshhestvennost' v Rossii*, Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, Serija Istorija, 2014, № 4, S. 23–37.
- Kolonickij B. N., «*Tragicheskaja jerotika*»: *obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny*, M., Izd-vo «Novoe literaturnoe obo-zrenie», 2010.
- Lokteva N. A., *Frontovye pis'ma kak istochnik dlja izuchenija moral'nogo i patrioticheskogo duha soldata*, [Jelektronnyj resurs], URL: <http://august-1914.ru/lokteva.html>
- Morissi S., *Mezhdu patriotizmom i radikalizmom: petrogradskie studenty v gody Pervoj mirovoj vojny*, Rossija i Pervaja mirovaja vojna, SPb., Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 1999.
- Rogoznyj P. G., *Cerkovnaja revoljucija 1917 goda*, SPb., Izd-vo «Liki Rossii», 2008.
- Rozhkov V., prot., *Cerkovnye voprosy v Gosudarstvennoj dume*, M., Izd-vo Krutickogo Podvor'ja, 2004.
- Ross D. *Gog, Magog i ajeroplan: tatarskaja narodnaja literatura kak ovet na vojnu (1914 – 1917)*, Malen'kij chelovek i bol'shaja vojna v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX v., SPb., Izd-vo «Nestor–Istorija». 2013, S. 44–56.
- Senin A. S., *Armejskoe duhovenstvo Rossii v Pervuju mirovuju vojnu*, Voprosy istorii, 1990, № 10, S. 159–165.
- Usmanova D., *Musul'manskoe «sektanstvo» v Rossijskoj imperii*, Kazan', Izd-vo «Fjen», 2009.
- Ferro M., *Nikolaj II*, M., Izd-vo «Mezhdunarodnye otnoshenija», 1991.

Статья поступила в редакцию 10.10.2014 г.